

Камми Кацейка

БЕСИЛРІЙ

Камми Кацейка

Бесиарий

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Кацейка К.

Бесиарий / К. Кацейка — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

ISBN 978-0-88-715414-0

«Бесиарий» Камми Кацейка – юмористическое городское фэнтези о студентке, которая знакомится с миром реконструкции и танцев Минска и одновременно - с миром потусторонних существ. О том, как дружба и увлечения делают человека сильнее, взрослее и меняют его мировоззрение.

ISBN 978-0-88-715414-0

© Кацейка К.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Камми Кацейка Бесиарий

А ты не знала? Здание ФМО и соседнее называются «ослиные уши».
(Доминика)

Шёл третий из осознанных, устремлённых и стремительных этапов моей жизни. Первый, под названием «Построение билингвизма в отдельно взятом классе», начался в конце седьмого, когда в нашей школе, в подражание Минску, полным ходом создавался так называемый посольский, позже билингвистический, класс, обещавший всяческие поступленческие льготы (о коих я тогда не задумывалась) и широкие да глубокие познания во французском языке, истории, литературе, экономике и политике Франции (которые меня безумно вдохновляли). Мы усердно и нервно готовились к вступительным в него экзаменам. Часть меня была уверена, что заучка я уж точно поступлю, а другая, более могущественная часть паниковала.

В итоге поступила большая часть нашего класса «А», к ней прибавилась часть класса «Б», и мы заново принялись строить отношения в коммуне. Поначалу нас было 16 человек. После 34, когда не хватало парт и стульев, было радостно просторно – и тревожно, потому что вызывать могли чуть ли не каждый день на каждом уроке. Если же не было хоть нескольких человек, казалось, что нас покосила эпидемия. Впрочем, постепенно к нам стали добавляться люди из оставшихся поначалу за бортом и пришедших из других школ. После 9 класса часть ушла в другую специализацию. Буква нашего класса тоже постоянно менялась.

С этим периодом частично пересекался второй – «Призрак билингвизма бродит по инязу», он же – «Уйти во МГЛУ». Поразительно многие, однако на удивление не все соблазнились радужной перспективой поступления в иняз, я тоже. Ходили к репетиторам, на курсы DELF и DALF, после которых массово сдавали экзамены. Я сдала все ступени в 10 классе и не парилась, а ещё ездила на олимпиады. В 10 классе получила 2 место, в 11 – никакого, потому что ступила.

А потом решила, что слишком много знаю, чтобы метить не выше, чем мои одноклассники, и зимой окончательно надумала поступать на международные отношения. Пролететь было страшно и обидно, но училось медленно и с трудом.

И всё же – просто чудом, с самым низким баллом – я попала-таки на «Факультет восходящего солнца»: на пути к нему по утрам солнце светило мне в глаза. А по утрам туда нужно было по пару раз в неделю, потому что вторая смена сменой, а пары по расписанию начинаются тогда, когда их поставили.

Впрочем, смены меняются каждый год, и предстоящая первая меня очень радовала.

Был конец лета, и я возвращалась в общагу в Лошице, известной с недавних пор как Минский Китай. Даже shit-указатель на китайском у дороги появился. Подумалось, что и впрямь сбудутся факультетские шутки о воцарении Минской династии. Которая правит в Атаманской империи. А всё, что вокруг империи, – это Тьфутаракань. А началось всё, собственно, с моей общаги – нового 16-этажного дома с удобными просторными квартирами, построенного китайской диаспорой для китайских же студентов, которые в обычные общаги уже не помещались. После учёбы некоторые студенты из тех, кто не уехал на родину или ещё куда, расселились по собственным квартирам тут же, в Лошице, и стали основателями, работниками и клиентами роскошного торгового центра, прозванного в народе Лошиным рынком и восточным базаром, куда стали стекаться продавцы (и покупатели) всевозможных национальностей, преимущественно именно что восточных. А также принялись возводить новые высотки, которые, вероятно, должны были занять их соотечественники.

А общагу, наряду с китайцами, стали обживать и другие студенты, лишённые места в родных общежитиях, которым посчастливилось про это здание узнать, позвонить и прийти как раз в тот момент, когда там пустовала квартира (или требовались соседи). Администратором и заведующим связями с владельцами была 26-летняя Наташа, она же Ната, истинное сторожило общаги, первая белорусская поселенка, невероятно крутая, восхитительно уверенная в себе, всё знающая, повсюду успевающая и всегда на подъёме.

Ей нравились квартира, район и работа с людьми, поэтому она быстро установила все необходимые контакты и жила тут бесплатно в обмен на административные функции, а ради денег держала принтер-ксерокс, небольшое агентство по написанию рефератов, курсовых, дипломных, кандидатских, статей, выполнению лабораторных, переводов, припрягая задёшево студентов, курсы русского языка, которые проходили тут же, в одном из «конференц-залов», где также проводились вечеринки и другие занятия по заявкам. Ещё Ната курировала мелкие поставки китайских товаров (в основном, еды и других привычных бытовых мелочей) – сначала для общажных китайцев, а потом и для нас. И даже рассказывала, как эту еду готовить. А ко второму семестру прямо в общежитии открылся аж магазин с товарами с непереверждёнными этикетками. Продавцы, китайские студенты, впрочем, охотно инструктировали.

На последнем курсе Ната начала учить китайский и теперь постоянно совершенствовалась в нём, поражая новоприбывших свободой общения. Её даже принимали за свою из-за небольшого роста, высоких скул и хитрого прищура тёмных глаз. Она всегда была готова подсказать, где что интересного происходит, как решить ту или иную проблему, поругаться или конструктивно побеседовать с кем угодно, одолжить, кажется, какую угодно хозяйственную фигню. Её знал весь квартал, даже солидные китайские начальники порой обращались за помощью и предлагали помощь ей. И, кстати, одолженное всегда возвращали.

Наташа очень любила студенческую среду – кипение, движуху, молодость, оптимизм, веселье, атмосферу, насыщенную знаниями, информацией и её неустанным поглощением. Ей было в кайф расширять кругозор написанием курсачей и даже диссеров – по уже знакомым по предыдущей работе темам. И она помнила кучу фактов из того, о чём писала! Как-то она сказала, что работа помогает держать себя в тонусе и позволяет быть в курсе выставок, вечеринок, концертов, ярмарок, которые, благодаря наличию ассистентов из числа жильцов, есть время посещать, а бурление жизни вокруг наполняет энергией.

В общежитии был спортзал, который мы любовно называли Потогонией. Там было несколько тренажёров, шведские стенки и зеркала, там же китайцы постоянно самоорганизовывались на групповые занятия по тайчи. Наташа мудро определила всех остальных в один подъезд, где жила сама, так что мы быстро познакомились и подружились. Нет, общаться с китайцами хотелось, вот только мы практически не знали китайского, а они – не все – не стремились совершенствоваться в русском: зачем, если кругом все свои? Наша Натовская группировка, надо сказать, по мере сил боролась с набегами скинхедов, кои мы окрестили постепенно сходящей на нет националистической кампанией «Не сей ты здесь, матушка, красный гаолян».

Я зашла к Нате поздороваться и взять ключ. Его, в принципе, можно было и не сдавать, но так я была спокойнее за его сохранность.

– Что-то ты рано. Дома надоело?

– Хочу по магазинам походить, пока толпы не налетели.

– Будет конкурс каллиграфии. Хочешь поучаствовать? Работы повесим в конференц-залах, в холле, а если будут хорошие, можно устроить сначала выставку, а потом аукцион.

– Разве что в стиле пьяного фломастера, – отшутилась я. Натовская разведка уже прознала, что соседка-японка учит меня японскому, но не каллиграфии же!

За тот год, что я тут провела, я пришла к выводу, что это не иначе как фэн-шуй диаспоры собрал всех нас в таком прекрасном месте. Все особенные, уникальные, со своими неповторимыми тараканами и странностями – и все мне стали близки и дороги, как никто раньше.

Рюудзаки Рэйко (####), на курс старше меня, к китайцам относилась хорошо, но они её ненавидели не меньше, чем всех других японцев, хотя ничего плохого ей не делали, так что территория Натовской группировки была самым безопасным и спокойным для неё местом. Я заняла место её предыдущей соседки, которая перебралась к парню, и мы с Рэйко подружились. Она была потрясающая – смелая и влюблённая в учёбу. Решила получить второе образование, философское, в дополнение к историческому, а у нас и дешевле, и поближе к европейской философской мысли, и язык занимательный, и страна интересная, со свободными в повседневных мелочах нравами, как оказалось. Со мной она постепенно оценила анекдоты про Штирлица (и посмотрела фильм), что не замедлило сказаться на её знаниях в области русского языка. А чем больше знаешь, тем больше пытаешься усложнить себе жизнь, поэтому ошибаешься, зато и совершенствуешься.

– Миклухо-Маклай – это известный первопроходимец, – начала она репетировать доклад.

– Первопройдоха, – поправила я. Заподозрив неладное, которое я, впрочем, не скрывала, Рэйко полезла в словарь и через некоторое время выдала придуманное ею уже сознательно словечко «прохиндеец». Ну, наши неиностранные студенты могут изобрести медицинские термины «наследственный принц», «гинекологическое древо», еврические «контрацепционные лагерь» и охочие до празднований «масленичные культуры».

Когда я приехала сюда в первый раз, с родителями (они помогли привезти вещи и, в конечном итоге, разговаривали с Натой, хотя все переговоры об аренде комнаты я вела по телефону сама; сначала мне было неловко, но Ната мне сочувственно улыбнулась – мол, не переживай, родители всегда так), я, конечно, всего боялась – заблудиться, спросить, не понять, испортить что-нибудь, сделать глупость. Это моя главная черта характера, от которой меня, походя и не заморачиваясь, избавляли все, с кем я подружилась.

Особенно меня дисциплинировала мысль о том, что Рэйко гораздо сложнее – одной в незнакомой стране с неизвестным вначале и труднопонятным и теперь языком и без надписей хотя бы на английском, другим климатом, едой, людьми с одинаковыми лицами. Китайцы, даже если не знают, что и как делать, могут пойти это делать толпой, поэтому им не страшно. Даже после года учёбы Рэйко во многих ситуациях чувствовала себя неуверенно, и я, сама боясь и стесняясь, рвалась помочь ей (ведь мне это в сотни раз легче) и чувствовала себя обязанной добиться результата. И, к собственному восторгу, стеснялась и косячила всё меньше.

А она меня учила японскому, рассказывала про Японию и показывала Минск, который успела узнать, водила по библиотекам и кафешкам, разрешала и учила пользоваться компьютером и Интернетом. И характерами сошлись. Она начала учить русский ещё дома, потом очень усердно занималась здесь, очень скоро стала понимать, говорить и даже читать, пусть медленно, а темы лекций отыскивала в японских источниках, которые привезла с собой, и английских, которые находила в библиотеках.

Она и Аска, девчонка из соседней квартиры, заселившаяся одновременно со мной, с которой мы вместе учились у Рэйко, открыли мне тайну существования анимэ (виденные прежде полнометражки, для меня были английскими или немецкими мультиками – вероятно, потому что их переводили уже с этих языков) и анимешников как особого типа людей. И нет, японский я стала учить не для того, чтобы смотреть мультики, хотя это оказалось намного приятнее, чем с озвучкой.

Не сразу, но враждебность и холодность в отношениях Рэйко с китайцами и немногочисленными корейцами сменились приятельским взаимным подшучиванием или нейтральной вежливостью. А одна из китаянок даже призналась, что ходит на курсы японского, что её ник

– Саяка, и что она очень любит анимэ и дорамы (и японские, и корейские тоже). Правда, такой уникам был, насколько я знала, один на всю общагу.

Мы жили вдвоём в двухкомнатной квартире, но в комнате могли жить и двое, а комнат (довольно маленьких) бывало от двух до четырёх. Мне рассказывали, что среди китайцев случается и такая жесть, как восемь человек в четырёхкомнатной квартире. Нет, я понимаю, что в обычных общагах всегда живут по четыре человека в комнате, ванная-туалет на блок из двух комнат, кухня общая на этаж, и что снимать квартиру недёшево, хоть и не так дорого, как в обычном доме, да, я, как большинство студентов, не работаю, деньги мне дают родители, и да, если будет очень надо, я буду жить с кем-то в комнате... Но сейчас мне было очень хорошо.

В принципе, не возбранялось пускать к себе ночевать и чуть ли не жить друзей – но уровень шума был приемлемый, а в поддержании относительного порядка были заинтересованы сами жильцы. Чрезмерное буйствование могло обернуться Натовской зачисткой, обращением в высшие инстанции и изгнанием из элитной, с минимумом ограничений общаги. Незаконных вторжений и тырактов можно было не бояться.

Из уютного холла с зелёными диванчиками и двумя надёжными лифтами я поднялась к себе на 4-й этаж, думая, чего бы поесть. С облегчением сбросила с себя рюкзак и сумку, открыла окна и, не разуваясь, отправилась в магазин. Он у нас почти как «Корона» – до двух ночи и с семи утра, и ассортимент не хуже. Имелась в районе и китайская забегаловка, активно посещаемая китайцами (стало быть, еда аутентичная), пиццерия и кафешка с круассанами, а также вкуснейшим «Кармен-безе». Из чувства справедливости фанаты (в том числе мой друг Арчи) ратовали за открытие ирландского паба с живой музыкой, но пока его не было.

Примерно на одинаковом расстоянии от общаги процветали два ночных клуба – «Лост-Анджелес» и «Ласт-Вегас». Там устраивались концерты и тематические вечеринки (анимэ-пати, Дни святого Патрика, БДСМ-вечеринки, милонги, линди-пати, фольк-вечеринки и много чего ещё – и, конечно же, китайские праздники, вечера самодеятельности, гастроли китайских музыкантов и циркачей). Мы их очень любили и тратили на клубы много – для студентов – денег. Объективно там было недорого, иногда даже на концерт вход бывал не по билетам, а только с условием что-нибудь заказать. А многочисленным музыкантам, танцорам и прочим артистам было где показать себя.

Рэйко ещё не приехала, но комп оставила. Родители обещали купить мне ноутбук в этом или в следующем году, а поскольку я не работала, оставалось только надеяться на то, что это случится как можно скорее. Пока же Рэйко разрешала пользоваться её навороченными компьютером, плеером и фотиком, и благодарность моя была безгранична. Ещё она привезла из Японии отменные острые ножи.

Я включила комп, поставила греться воду на чай и засунула котлеты из кулинарии в микроволновку. Попыталась подключиться к недорогому скоростному и почти бесперебойному Интернету, какого в родном городе ещё просто не существовало, но тот, вроде бы наличествуя, не хотел открывать ни почту, ни сайты. Было тихо, лишь усиливался шум закипающего чайника (меня), беспомощного перед компьютерными глюками.

– Чёрт! – простонала я, когда зависло вообще всё, а на reset комп не среагировал.

Из какого-то порта материализовался маленький чёртик.

– В чём дело? – требовательно спросил он.

– Э...

– Бес системный, – отрекомендовался чёртик. – Ну, так чего поминаем всеу?

– Вот, – капризно протянула я, указывая на монитор. – Не работает.

Бес системный исчез в компе, но через секунду вернулся.

– Перезапусти. Теперь должно заработать.

Я последовала совету.

– Это из-за вас он так глючит?

– А то ж, – самодовольно подтвердил бес.

– А зачем вы это делаете?

– Беснуюсь, – пояснил он как сам собой разумеющийся факт. Компьютер тем временем заработал, как положено.

– А тогда почему починили?

– Система должна работать, – как бестолковой, ответил он.

– А больше не будете ничего портить?

– Пока хватит.

– Не ломайте его, пожалуйста! Я же его не почию!

– Ну я вас умоляю! Я же бес всё-таки. Работа у меня такая.

– Компьютеры портить?

– Сбои, глюки в железе, в операционке, в сети – это только часть моего широкого профиля, знаете ли. Я же бес системный, стало быть, мне присуще стремление разрушать все и всякие системы. А ежели где системы не наблюдается, её надобно создать.

– Это зачем?

– Система должна быть. И в ней должны быть неполадки. Чтобы её можно было совершенствовать, налаживать, сносить и устанавливать новую.

– А смысл?

– Движение.

– А где вы живёте?

– А везде.

– То есть если в государстве или в обществе что-то не в порядке, то это ваших рук дело?

– Ну, не стоит приписывать мне всех заслуг, – скромно возразил чёртик. – Люди часто без посторонней помощи творят такое, что остаётся только смотреть и аплодировать! Кроме того, есть же и другие бесы, в конце концов. Вот тот же бес посторонней помощи, – это он произнёс как-то издевательски. – Ещё вопросы есть?

– Вы что, ко всем являетесь, кто... ну... вызывает?

– Деточка, ну ты как с луны свалилась. Ты что, не знаешь, что обычно произносят, когда компьютер глючит?

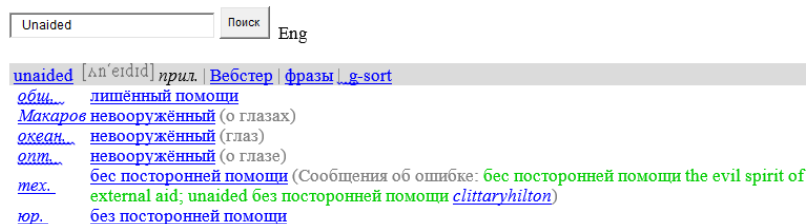
– А ведь верно, – признала я.

– Да и не каждый меня увидит, знаешь ли. Так что вот так. Ладно, приятно было поболтать, но пойду-ка я поработаю. Ещё увидимся!

И он исчез.

А я, наконец, пожрала, полезла в Интернет, и заодно включила музыку. Очень в тему на глаза попалась «Порги и Бес».

Чайник пришлось ставить по второму разу. Хорошо, что он электрический и не сторает, если про него забыть, что я и сделала снова, потому что залезла в Мультитран посмотреть, как по-английски будет «без посторонней помощи». Бывает такое, что не помнишь или не знаешь каких-то простых слов – и чувствуешь себя совсем ущербным, как же без этого слова жить! И пока не помотришь – не успокоишься. Я даже записываю, что нужно найти на английском, французском, белорусском. Японских слов я пока знаю так мало, что чувства неполноценности не возникает: ещё нет иллюзии полноценности. Мультитран выдал пачку слов, и я кликнула на «unaided»: оно мне показалось странным, хотя, возможно, просто было похоже на UNAIDS. Синим по серому значилось:

Mais c'est absolument incroydiab! Интересно, он это сказал, потому что знал, что тут так написано, или тут так написано, потому что таковой существует?

Тут в дверь постучались. Это был Аркадий – физик в лицее и универе, альпинист и гитарист по жизни. И человек, который мог, если что, переустановить Винду и произвести простейший ремонт компа. Да и любой бытовой техники. Так что я обрадовалась ему вдвойне. Уменьшительно звали его Арчи, потом закономерно – «полным именем» Арчибальд, а потом с чьего-то озарения – Арчи-Бард и Архибард. Я ещё раз включила чайник. Мы вместе похихикали над аномалией в Мультиране.

Хрен редьки не слаще, а дайкон васаби слаще.

Весной я читала «Хроники заводной птицы» Мураками и завидовала герою – ничего не делал, почти никуда не ходил, – и в то же время не понимала, как такое возможно. А летом, вернувшись домой после сессии, поняла. По утрам долго валялась в постели – спать не хотелось, хотелось лежать, – варила кофе, любовалась пенкой, освещаемой солнцем, завтракала кофе с мороженым, а потом заваливалась на диван или на пол, грелась на балконе, ни о чём не думая, не испытывая потребности в движении и деятельности. Ещё целыми днями читала, обложившись подушками, периодически отрешённо уставляясь в стену после очередного куска текста, отрываясь, только чтобы сходить на кухню за едой или чаем или в туалет. Это было непривычно и немного пугало. Временами я спохватывалась: надо что-то учить? Куда-то идти? Ан нет, можно читать дальше!

Вечером приходили родители, и начинался тихий неспешный вечер с чаем и печеньками и болтовней на кухне, иногда с соседями или родственниками.

Иногда, впрочем, я выходила погулять или за покупками – и это тоже радовало. Только от толп и транспорта я быстро отвыкла, и находиться в набитом людьми месте было для меня противнее, чем обычно. Хотя по сравнению с Минском – это не толпы.

А где-то в середине каникул мы поехали в Крым – и я с изумлением обнаружила в себе пробудившуюся энергию. Общественные пляжи были хороши только рано утром и поздно вечером, и я заводила все мобильники на 5 утра. Мама не хотела отпускать меня купаться одну и шла со мной, чтобы продолжить спать уже на свежем воздухе. Днём мы отправлялись на экскурсии, поиски диких пляжей, нехоженных троп и безлюдных уголков, и я была готова ходить без усталости до вечера, когда мы смотрели на закат, купались и отрубались до рассвета. В поисках хорошего кадра я забиралась туда, откуда потом с трудом выбиралась и слезала. У меня был папин плёночный «Зенит», и раньше я печатала фотки, а потом их стало слишком много, и на этот раз все пять плёнок я отсканировала. Смотрели фото мы у папы на работе, а теперь и фотик, и скопированный диск с крымскими снимками я забрала в Минск – можно будет посмотреть на компе. Родители же решили к следующему отпуску купить цифровую «мыльницу».

Вернувшись домой, я загрустила по морю и уходящему лету. И отправилась в столицу за пару дней до начала занятий, чтобы успеть походить по магазинам.

А теперь я, третий раз за лето, сидела в инете.

До того как я приехала в Минск и у меня появился мобильник, я не понимала, зачем он нужен, и удивление тому, что у меня его до сих пор нет, раздражало. По телефону я говорить не особо любила, да и редко это бывало нужно. Если надо, можно даже на мобильник позвонить с городского. А сколько на него денег уходит! Когда у тебя их постоянно нет, такие траты кажутся ещё больше и бесполезнее. Но потом привыкла, и он стал необходимой вещью – потому что они были у всех, их повсеместно использовали и включали в тактику и стратегию решения жизненных задач (позвони, как подъедешь, если меня не будет на месте – звоните, и пр.).

Зачем нужен комп, если есть телевизор, книги, журналы, радио, кассеты, и даже на них времени не хватает, я тоже не понимала, пока не стала пользоваться им регулярно. Впрочем, поскольку музыкального центра у меня не было тоже, я полагала, что комп пригодится, чтобы слушать и переписывать диски. И злилась, что курсовую надо печатать – при том, что у многих студентов компа нет, ноуты дороги и редки, а в компьютерный класс поди пробейся. Нам-то можно было за очень умеренную плату пойти к Нате, если на её компах не набирались в это время заказные работы. Теперь мне не терпелось обзавестись своим.

В период недеяния в ЖЖ коротко написала: «Хикикомори», – подумала и добавила: «или хикикимора». Поскольку стали поступать вопросы, поначалу отправила всех к гуглу, а потом наваяла заметочку и наказала читать. Наказала чтением.

«Мужской и общий род – хикикомори, женский – хикикимора. Хихикающая кикимора, которая не выходит из дома, боясь, что её поглотят лес и море. При чём тут лес и море? Просто фраза «Memento mori», как известно, трактуется как «Моментально – в море!», но по-японски «мори» – это лес. О темпура, о морес! «Морес» – множественное число от «море». А я хочу сказать – мементо хикикомори, то бишь проверяйте иногда, живы они или загнулись. Тех, кто охикикоморился и хикикоморствует лукаво, нужно расхикикоморивать, но осторожно, иначе они могут охикикоморить и вас».

Отъезжая в Крым, оставила новый текст: «Выхикикоморивалась-выхикикоморивалась, да и выхикикиморилась».

Последовали комментарии:

«Отхикикоморилась, бедняга... Хикикоморе ей пухом!»

«Абы не прахом».

«Повесть о глокой куздре и семи нетопырях в соавторстве с Акутагавой. Рассказ о том, как великий и могучий сам себя обдурил».

На последнем я зависла и попросила пояснить. Получила краткую лекцию о роли глокой куздры в языкознании и о рассказе Акутагавы об ассимиляции японцами приходящих к ним на свою голову иностранных веяний и религий (аналогично ассимиляции под свои нужды русским языком иностранных слов), а также ссылку на журнал одного филолога, который писал о подобном на примере словечка «имхо». Рассказ прочитала, а журнал стала поглощать с дикой скоростью. Кроме того, прочно засела в голове идея поэмы как раз о мёртвой царевне и семи нетопырях. Причём на светлой стороне мира они должны были быть – аллегорически – Бело-снежкой и семьёю гномами, а по ночам... Или нет, а в параллельном мире...

Очнулась от Интернета я вечером. Пока делала чай – залипла в окно.

Мне нравится вид из окон общаги. Кругом огни, небоскрёбы – белорусского масштаба, конечно, а не настоящие, но я выросла в хате, а вокруг привыкла видеть или частный сектор, или двухэтажки, или максимум хрущёвки, так что высотки, сверкающие ещё новыми стенами, а по вечерам – стенами светящихся окон, меня вдохновляли. Свой дом – это шикарно: можно шуметь самому и не слышать, как шумят соседи, к чему за год так и не смогла привыкнуть. Всякую старину – обожаю. Но эти вот громады спального района – знак мегаполиса, его ярких

огней, постоянного движения, оживления, неисчерпаемых возможностей, бесчисленной весёлой молодёжи. От этого чувствуешь в себе невероятный всплеск энергии и радости, хочется веселиться с друзьями, куда-то мчаться, хоть бы и за покупками, что-то делать.

После советских времён в нашем доме папиными стараниями появились ванная и туалет, постепенно поменялись обои в комнатах, сменилось несколько предметов мебели, был побелён потолок, подкрашен фасад, но в целом обстановка не менялась в течение всей моей жизни.

Общага, наоборот, была стильной, там всё было относительно новым или так выглядящим. Мебели было немного, но наличествовало самое важное: исправная сантехника, хорошее отопление, плита с чистыми, не покрытыми намертво жиром ручками, стеклопакеты, из которых не дует, удобные письменные столы, пусть всего с тремя ящиками, а ещё – достаточно полочек (опять же чистых и не поломанных) в прихожей, ванной и кухне, чтобы там удобно и под рукой помещались шапки-перчатки, косметика-лекарства, посуда и баночки с чаем-кофе-пряностями. Не падая всей толпой, когда пытаешься что-то взять!

При этом лишнего ничего не было – а порой даже необходимого. Зато был Интернет, да не простой, а скоростной ADSL. Сначала я почувствовала неожиданное вдохновение от обновления: после знакомого с детства дома, где все вещи любимые и старые, оказаться в квартире, где почти ничего нет, разложить всё так, как тебе удобно, восхититься тем, как здорово это смотрится и как много места, а потом уже понемногу заполнять её новой красивой посудой, одеждой, полотенцами, книгами, обнаружив однажды, что места опять не хватает. Но всё равно приятно покупать сияющие новизной вещи, которые тебе нравятся, которые к тому же нужны (есть оправдание для их приобретения) и для которых есть место (не надо думать, куда бы впихнуть), которым потом радуешься, видя их вокруг себя. Не опасаться причитаний, что девать всё это некуда, зачем притащила, у тебя же этого полно. Некоторое время бесило, что нет всяких мелочей, которые всегда есть дома – ваты, бруска для заточки ножей, каких-то приправ, ножниц, ниток. Потом стала ходить за недостающим к соседям. А затем постепенно обзавелась сама, и соседи стали ходить ко мне.

Наутро я отправилась на рынок за стратегическими запасами еды, бытовой химии и косметических средств. Не на Комаровку, хотя там всего больше и кое-что дешевле, пока я туда попала всего два раза, потому что была вторая смена, а сейчас, надо иметь в виду, из универса будет хорошо добираться. А на Червенский, что возле железной дороги, на пути от общаги к метро и вокзалу, до него прямой троллейбус ходит! Ручки в ассортименте продавались в «Белсаюздруке» и канцтоварах недалеко от общаги, а потрясающе красивых тетрадей я накупила, не удержавшись, в прошлом году на книжном рынке.

Разгрузив рюкзак и пообедав, я пошла гулять в Лошицкий парк. В парке захватывающе тихо, такой контраст с нашим районом. Старые деревянные дома, развалины мельницы, панская усадьба и ведущая к ней дорога, обрамлённая огромными старыми деревьями, река, аллея высаженных ровными рядами яблонь, заросшая река. Уходить оттуда не хочется – покой, дух XIX века, одиночество и деревья кругом. Столько зелени – в центре листья уже в августе коричневые, а тут только начинают желтеть. Невероятное что-то совсем рядом с городом, дорогами, транспортом и вечной спешкой и кучей дел. Офигенно никуда не торопиться, гулять, любоваться, размышлять и внимать, не глядя на часы, не беспокоясь, как бы всюду успеть. Вынырываешь оттуда, как из другого времени, другого мира, не зная, какой день и который час в мире, куда вернулся, и с трудом вспоминая, какие у тебя были планы. Например, пошариться по секундам – их мне тоже показала когда-то Ната.

Поздно вечером взялась, наконец, вытереть пыль и помыть пол. Мне даже удалось закончить, когда в дверь позвонили. Это Аска хотела познакомить меня со своей младшей сестрой, которая теперь будет жить с ней. Как раз поступила, когда предыдущая соседка закончила уни-

вер и уехала на родину отбывать распределение. Сёстры оказались непохожими друг на друга: у Аски были русые волосы, которые она собирала заколкой, она любила юбки, разноцветные колготы и училась на истфаке, а Мисато выглядела брутальным рокером: чёрные футболки и джинсы, чёрно-белые кеды (и я заметила распакованные из чемодана берцы), длинные чёрные волосы, а поступила она в иняз, хотя похожа была на парней из БГУИРа, что в соседнем от нашего факультета квартале. При этом сёстры обе любили рок, книги, яой и понимали мои шутки. И обе, в отличие от меня, были совами. Мы проболтали до ночи.

Оглавление – процесс, обратный обезглавливанию.

Я плюхнулась за первую парту рядом с Доминикой.

– Ну, здравствуй!

– И ты здравствуй!

– Как ваш кондоминимум?¹

– Стоит. А как ваши собрания общества анонимных католиков?

Доминика одновременно гневно засопела и насмешливо фыркнула. Получилось смешно.

– Идут.

Это имя привязалось к ней во втором семестре прошлого года, когда она стала ходить на катехезу, и его же она взяла при конфирмации. Ей всегда хотелось перейти в католичество, и она, наконец, отправилась в костёл, что удобно стоял напротив её дома, где первым делом спросили: «А мама знает?» – видимо, не сочтя её достаточно взрослой. Она заверила, что знает, и стала ходить на занятия, мессы и молодёжные мероприятия. Там познакомилась с парнем, с которым они вроде как официально не встречались – он вообще готовился в священники, – но флиртовали и вообще были soul mates, оба вредные и эрудированные, оба пели в хоре. Я прозвала его Филипп Легалитэ,² потому что он учился на юрфаке, любил историю, латынь, древнегреческий и иврит и всё это понемногу учил.

Сама Доминика тоже хотела быть монахиней, даже написала повесть, где героиня таки ею стала, и рассказала, что есть такой институт, когда супруги состоят одновременно в браке и в монашеских орденах, и это был бы вообще идеальный вариант для неё с Филиппом. Ещё её интересуют история, особенно средневековая, и психология. А международные отношения не интересуют – на них её запихнул папа, преподаватель философии (в том числе и на факультете), общество которого грозит нам на старших курсах. Доминика поведала, что он о себе говорит как о «душелюбе и людоведе». Блата в этой связи у неё нет – она просто всё учит. В каждую сессию умудряется прочитывать материал по два раза. Я бы тоже хотела, потому что половину не запоминаю, особенно любимую, но такую повторяющуюся историю с бесконечными войнами и правителями, но не успеваю, и как она это делает – загадка. При этом она не заучка, просто, по её словам, обладает очень сильным чувством самосохранения. Я же, вроде бы не отвлекаясь, всё равно половину материала прочитываю за последний день (и ночь).

Байки из костёла были занимательны, но из меня постоянно лезли ехидные комментарии. Когда нам нужно было зайти к методисту взять информацию к экзамену, я заметила, что «кто работает методистом на полставки, а кто католиком на общественных началах». Ещё меня смешили беларускамоўныя термины, особенно «баранак Божы», который ассоциировался у меня не с бараном, то бишь агнцем, а с «сушкой Божией» или со словом «бараніць». За сушку Доминика с угрожающей улыбкой косилась на меня (ей очень шло), грозно сопела и ласково спрашивала: «А в глаз не хочешь?» Я отказывалась. Моя любовь ко всякой дьявольщине тоже вызывала лёгкое недовольство подруги. Да, соглашалась я, знаю, каждое ваше слово может

¹ Нет, Доминика не имела в виду сообщество нехороших людей, она знала, что у меня замечательные соседи.

² По паспорту его так звали Филиппом, а Légality или l'Egalité – на усмотрение.

быть использовано против вас на Страшном суде. Но по-настоящему поругались мы всего один раз: она хотела побыстрее сдать работу по английскому и смотаться с пары, чтобы успеть на костельное собрание, а мне его оставалось делать ещё несколько минут, и, достанная поторапливаниями, я послала её в жопу, на что получила предложение самой туда идти. Весь вечер я переживала, потому что можно же было мирно ответить, а назавтра мы первым делом помирились.

Ещё она в душе была собакой, отсюда *Domini canis* → Доминика (есть же божья коровка, почему бы не быть божьей собачке, говорила она). Это была помесь кавказской овчарки и зенненхунда, но я из вредности зачастую называла её болонкой или чихуахуа, на что она рычала. Про то, как она превратилась в собаку, Доминика тоже написала ёвр (*oeuvre*). Своим собачьим девизом она объявила «*Je suis donc je suis*»³ (обыгрывая *être* и *suivre* и имея в виду Господа и немного Филиппа).

Я пыталась общаться со всеми в группе, но почему-то нормально поболтать удавалось всего по разу – или по дороге на физкультуру либо с неё, или во время прогулки по парку на самой физре. Все были люди интересные, доброжелательные, и нам было о чём поговорить. Но традицией это не стало даже после того, как Вова пригласил кучу народу на свою днюху, и мы вечер и ночь отрывались – я и не думала, что мне понравится тусить с кучей народу, да ещё ночью, когда спать хочется, а было чудесно.

В группе – точнее, в двух, всего человек 50, но мы больше чувствовали разделение по языкам, потому что все лекции сидели вместе, а делились только на семинары, и то не всегда, – мы почему-то стали дружить внешне похожими парами и тройками. Мы с Доминикой были полтора метра ростом, с вылеченными врождёнными болезнями в анамнезе, не толстые, но и не стройные. Вероника, ещё ниже меня, но вдвое худее, дружила с такой же худой (хоть и повыше) Аллой. Дружили и изучали португальский две самые высокие девочки в группе. Везде ходили вместе две классные черноволосые девчонки со среднеазиатскими фамилиями, две типичные русоволосые беларуски абсолютно одинакового роста и два футбольных фаната из нашей французской группы.

На перемене я по какому-то поводу, не задумываясь, сказала, что нужно будет «что-то придумбомать».

– Ты тоже читала книгу про Калинку? – спросила Доминика. И мы заржали. Надо же, кто-то эту книгу ещё знает...

Она потом вспомнила, что первой фразой, которую она от меня услышала, было тоскливое: «Что, опять?!» – на известие о том, что мы будем проходить Попову-Казакову. «*Vous la connaissez par soeur?*» – сочувственно спросил француз. – «*Pas par soeur, mais quand même*», – ответила я, и Доминика поняла, что язык я знаю и со мной надо познакомиться.

Оказалось, что в разные годы в разных школах разных городов у нас вела одна и та же француженка. Страшная и умнейшая женщина ещё ниже нас ростом и вдвое шире, которая орала на учеников, рвала неряшливо исписанные тетрадки, давала сложные тексты и однажды выгнала всех нас с урока, потому что никто не откликнулся на её брошенный в пространство призыв вытереть доску. Сижу, повторяю глаголы, нервничаю, что не всё помню, и вдруг:

– Пошли вон! Все пошли вон!

Мы шатались по школе неделю, потому что нас не пускали ни наша, ни вторая учительница, классуха рекомендовала извиниться, мы извинились, но нам снова сказали идти вон. И только через несколько дней нас приняли обратно. Теперь мне интересно, что по этому поводу говорили директор и завучи, если были в курсе, и что им отвечала наша мадам. Мы с Доминикой эту учительницу обожали, потому что благодаря ей знали язык. На уровне пусть и не носителей, но разносчиков. Лучше, к сожалению, чем в универе, где остальные студенты фран-

³ Я существую, следовательно, я следую.

цузской группы имели о нём более или менее смутное представление и не особо старались его улучшить – ну, или просто изначально в школе язык давали плохо, а тут уже «Евроњьюс», политическая лексика и особенности перевода. А как «кран» или «тапочки» – никто не знает, и этому не учат. Казалось, что коллеги теряют умение и русские слова вместе составлять, когда нужно перевести что-то. В инязе, говорят, та же проблема, и там тоже занятия, по законам дерьмократии, ведутся на уровне тормозящих. Мы чувствовали сильнейшую и обидную деградацию – Доминика тоже в школе сдала DELF и DALF.

Так мы и подружились и всегда сидели вместе на первом ряду. Не потому что такие правильные. Конечно, тебя виднее, чем если ты сидишь за колонной или на последнем ряду, но никто особо не мешает тебе писать записки или читать под партой книгу, если совсем скучно. Зато на первом ряду всё хорошо видно, ничьи головы не загораживают, отлично слышно преподавателя, соседи не создают трескотнёй посторонний шум. А ещё первый ряд всегда свободен, даже если ты пришёл последним. А в середине аудитории, в центре плотно стоящих в один большой стол парт неудобно же протискиваться! Правда, стульев может не хватить (в первое время, пока вся группа ходит на пары), и приходится кому-то сидеть на подоконнике или просить стулья в соседних кабинетах. Спасибо нашим мальчикам, которые по своей инициативе за ними ходили. Кстати, учиться в коллективе, где парней и девушек примерно поровну, было здорово, в школе у нас в лучшие времена было 6 мальчиков, а у моей одноклассницы в инязе парней было в группе двое.

Если я слепой, это не значит, что я ничего не вижу, орлы вы мои инкубаторные!

(носящий очки препод международного гражданского права)

Студенческая жизнь, как и в прошлом году, была богата на приколы.

– Не пугайтесь, вы их все не найдёте, – сказал преподаватель по политическим партиям, диктуя список учебников. В прошлом году было похожее: «Я вам дам список литературы. В каждой из этих книг вы найдёте список литературы».

По французскому у нас был новый препод, клёвый, с ироничным голосом, который делает забавными его интонации, даже когда он серьёзен, и сказанные им гадости в адрес студентов или кого-то ещё. Например, на Юлию Тимошенко он ругнулся: «Эта смерть с косой». Об афганцах, по поводу каких-то новостей из Евроњьюс, сказал, что «они, может, люди неплохие, но НИЧЕГО не знают». Об изобретении американцами СПИДа, чтобы негры вымерли, – «так Африка хорошая, а негры мешают». О французских НЛМ – «там живут французы с беларусскими деньгами». О вяло идущих на референдум литовцах: «Суббота ж была, все поехали картошку садить. Им есть надо, а не про Европу думать».

– А compatriotes – это то же самое, что patriotes?⁴ Или наоборот? – спросил Ваня.

– Вы ещё перепутайте сионистов с импрессионистами! – патетически воскликнул Карелич, как его прозвала Доминика. – Это что-то АХ! Это что-то АХ!

В том году, опять же, мы так сдавали религиоведение: перед зачётом наши иностранные студенты (принёс же их бес арабский... или возник как реакция на арабоязычных студентов?) спрашивали у нас:

– А что можно сказать?

– Скажи про панисламизм.

– А это то же самое, что исламизм?

Они были при этом мусульманами! Может, для них как мусульман нет разницы? Или в их языке нет? Загадка.

⁴ Соотечественники и патриоты

Мы с Доминикой вспомнили также термины экстерн, интерн (явно же антонимы) и Коминтерн и имена Карп и Поликарп – много карпов или множественный карп.

Я записала все эти высказывания в блокнотик для приколов. От прошлогоднего француза Димсаныча тоже осталось множество записей. Это был милый и невозмутимый высоченный молодой человек, который мирно просил нас с Доминикой не читать книги на его парах, d'accord? У гэтым пытанні адчуваўся дакор, и мы с честными глазами обещали этого не делать. Вместо этого Доминика молилась ружанец, а я что-нибудь писала или листала учебник, освежая в памяти французскую грамматику. Прошлогодние записи, правда, были связаны с незнанием нашей группой французского – и нежеланием его учить:

Димсаныч читает на перевод: Le premier ministre belge a regagné son pays.⁵ Юля, traduisez. Юля не знает. Я, шёпотом Доминике: Отыграл Бельгию в карты!

Юля (услышав): Выиграл...

Димсаныч: Qu'est-ce qu'un cafard?

Доминика: C'est un problème.

Димсаныч: Oui. Julie, Qu'est-ce qu'un cafard?

Julie: Peut-être, c'est un problème...

Димсаныч: Oui, mais quel problème? Mental, physique?

Я: Il y en a dans la tête.⁶

(Пишу в записке: гипокриз (это сокращение от «гипотонический криз» я почерпнула из сериала «ER») – диагноз медицинский, а гипокризис – психологический. От hypocrisie. Доминика отвечает на той же бумажке: в школе нужно было пересказать текст, где была фраза: «Le Panthéon est un mausolée où reposent les hommes illustres de la France».⁷ Один из наших переврал это в «mausolée de repos».⁸ Санаторий!))

Англичанин Яков Моисеевич был не менее эпичен.

– Inferno – ад.

– Что?

– Ад. Ад прадзедаў спакон вякоў мне засталася спадчына.

– Ад прадзедаў спакон вякоў мне засталася ДНК, – тихо сказала Доминика.

– И это тоже, – одобрил препод.

– «A friend in need is a friend indeed». Друг, которому что-то от тебя очень нужно, будет настоящим другом.

– По сути, верно, – невозмутимо сказал Яков Моисеевич. – Но вы же знаете, что обычно эту фразу используют в другом контексте?

– Да, – так же невозмутимо ответил Вова. – Обычно имеется в виду, что «друг познаётся в беде».

– Именно так. Наш президент вот говорит: «Я не позволю никому меня прасаваць». Это прессовать или утюжить? Как вот переводить иностранному журналисту?

«Traduttore, traditore», – подумала я.

⁵ Премьер-министр Бельгии вернулся на родину.

⁶ – Что такое таракан?– Это проблема.– Да. Юля, что такое таракан?– Наверно, это проблема...– Да, но какая проблема? Умственная, физическая?– В голове ещё бывают...

⁷ Пантеон – мавзолей, где покоятся знаменитые люди Франции.

⁸ Мавзолей отдыха

– Такой каламбур пропадёт при переводе, всё очарование двусмысленности, – с энтузиазмом согласился бес, как раз помещавшийся у меня на тетрадке. – Бес содержательный, – представился он на невысказанный вопрос.

«Очень приятно», – подумала я, надеясь, что он слышит мысли, ведь я же и предыдущее вроде подумала, а не сказала. А то пара же идёт.

– Не буду отвлекать, – бес вежливо исчез.

– З ліфтам павядзешся – да пары не дабярэшся, – зазначыў Андрэй і рушыў пешшу. Я – за ім. Мы спазніліся, але такі прыйшлі на некалькі секунд раней за выкладчыка.

Я почти никогда не ездила на лифте, хотя занимались мы на четвёртом и с восьмого по тринадцатый этажах. На остальных были холл, библиотека, актовый зал, деканат, компьютерные классы и что-то ещё. Хотя лифтов было три – грузовой и два маленьких, – возле них были такие толпы, что ногами было быстрее. Тем более, лифты иногда застревали и ломались, а преподаватели в них заходили без очереди. Сначала было тяжело, но теперь одышка и слабость в ногах начинались гораздо позже, чем прежде, и мне нравилась такая тренировка. Хуже было то, что обычно навстречу плотной стеной, парами, спускаются студенты (а лестницы узкие, на два человека), а иногда ты на ходу поедешь булочку, которую купил в буфете внизу (столовки как таковой нет, только прилавок и кофе-автомат в холле), что означает, что за 10 минут перемены ты сбежал вниз с того же 10 этажа, отстоял очередь и с добычей вернулся обратно, а это практически неосуществимо, если вас не отпустили с пары чуть раньше. Поэтому, если я не успевала купить еды по дороге или не брала из дома, проще было обойтись без неё. Тем более что за тот же перерыв иногда нужно успеть зайти в туалет, который мы с Доминикой окрестили «белым другом Черчиллем» (потому что WC), а они были одиночные, адски тесные, работали не на каждом этаже, постоянно были заняты, закурены, зассаны и засраны, а совершать в них действия было кошмарно неудобно. Иногда там до кучи перегорали лампочки.

Меня, как и других, одолевал бес сонный. В том, что это он, сомневаться не приходилось. Краем закрывающегося глаза я видела его быстролётные перемещения от студента к студенту. В оппозицию к нему работает (особенно когда ночью нужно побыстрее заснуть, чтобы рано встать) бес пробудный, подкидывая грандиозные идеи, смешные или злящие воспоминания и заставляя подрываться от страшных снов. Я его засекала буквально накануне. Доминика же что-то строчила в творческом подрыве.

На следующей же паре было не до сна, потому что было гражданское право. Жизненным кредо препода было: «Невзлюби ближнего своего, как самого себя». Этаким Каннибал-Лектор. Когда он приходил, хотелось скомандовать: «Встать, страшный суд идёт!» Он предпочитал говорить с нами методом научного втыка, презрительно отзываясь о наших познаниях, умственных способностях и карьерных перспективах на территории «нашей пост-родины» (имея в виду пост-СССР). На первой паре он нам заявил: «Я пацифист, автоматов не дождётесь, достойнейшие». Свободного волеизлияния на парах не поддерживал: «У вас есть свобода слова, но на моих лекциях она отменяется». Однако перлы выдавать он обожал:

«Как раньше было – люди умели отвечать за базар. Сказал – и голову положил. Сказал в тему – голова осталась. Сказал не в тему – осталась лежать».

«Повторение – неизбежная часть учебного процесса в этой аудитории, так же как и повторение вами звука «ха». Вы его никогда не произносите один, а всегда говорите «ха-ха».

«Немного убавьте звук, там, на задней парте. Ну, я же не «Голос Америки», чтобы меня глушить. Да и времена уже не те».

«Внимание, рассказываю байку. Так, привлечь внимание мне удалось. В следующий раз буду говорить: «Я вспомнил анекдот». В конце лекции спросят: «А где же анекдот?» – «Я же сказал, что вспомнил!» Вот, вы уже смеётесь».

«Для богомоллов главное – вовремя отскочить».

«Я вам скажу открытым текстом, достойнейший, – я не дипломат, я юрист, – у меня плохое зрение, но вас я запомню».

«В военное время значение синуса может достигать четырёх».

«Залог – это получение удовлетворения. Ну, у юристов совсем особый язык. Гражданский процесс – это самая сексуальная вещь. Есть возбуждение дела, исследование, и всё завершается каким-то актом».

Тут мне на ум пришёл бес прецедентный – для юристов и традиционалистов.

Ещё нас очень порадовал термин «непередаваемое право». Мы его истрактовали как непредставимое, невыразимое – прям слов нет.

Курасовщина⁹ – искаж. яп. Куросавщина, от Куросава – Чёрное болото.

Если подумать, наверно, в профессии дипломата меня больше всего привлекало умение добиваться своего словами и поведением. Манипуляции, грубо говоря. Только оказалось, что этому не учат.

Дипломатом в обыденном понимании могут назвать и того, кто умеет договариваться, разрешать чужие конфликты и уходить сам от них, но и этакого уклониста, кто, смолчав, избегает неприятностей и лишних объяснений.

Сейчас от дипломата, помимо вежливости и этикета, требуется что? Осведомлённость и умение составлять справки. Дело хорошее, но быть в курсе событий – это само собой разумеется, это не вопрос образования. А также анализировать сведения, новости и документы. А этому нас тоже не учили. А этого-то мне и не хватает.

Я, к тому же, не умею вести светскую беседу и тем более – увлекательно рассказывать что бы то ни было. Поэтому следует брать уроки изящной бессловесности – чтобы уметь хорошо смотреться и непринуждённо себя при этом вести.

Ага, согласилась Доминика, это хорошо, когда хозяин дома даёт обед молчания.

Когда я шла домой, ко мне прицепился бес, который сказал, что ему нравится мой юмор. Я воспользовалась возможностью и попросила его рассказать что-нибудь об их племени. Впрочем, дипломатом себя от этого не почувствовала – неуклюже вышло. Бес словесный красочно и с удовольствием заговорил:

– Было как-то среди нас несчастное создание – бес смертный. Всё боялся помереть, ходил и жаловался на несправедливость. Такой зануда, что общаться с ним никто не хотел, и осталось у него только три приятеля – бес порядочный, который оказался не в силах бросить его в беде, бес печальный, с которым они вместе кручинились и выпивали, да бес полезный – этот маниакально хочет всем приносить пользу. Натурально, однажды умер-таки. Как, от чего – неизвестно. Виноватым, как всегда, загадочным образом оказался бес крайний, хоть и возмущался, что на него, волей Создателя, вечно вешают всех собак. Впрочем, ему за это ничего не было – бес компромиссный, адвокат и примиритель всех и вся, добился ограничения наказания возложением на крайнего всех хлопот по организации похорон и ухода за могилой. И что ты думаешь? Вернулся бес смертный с того света, прожив 72 года человеком, в одном преисподнем, небывало жизнерадостный. Заявил: теперь я, дескать, бес покойный и потому прошу меня впредь к людям не отсылать, ибо работать с ними в качестве беса интересно, а жить – ужасно. Я с ним в ту пору не общался – и не хотелось, и дел было много, – но те, кто его навещал, рассказывали, что и человеком он был депрессивным, и смерти боялся, не помнил, что там, после смерти. Зато теперь он всех обожает, нервы не портит, всему радуется...

⁹ Район Минска

– А могила?

– Могилу занял бес приютный, приютит там кого-то, не бесплатно, конечно. Они в доле с бесом корыстным – этот всегда со всеми оказывается в доле, что бы ни затевалось, даже если его не звали, но не всегда получает выгоду, а вот бес прибыльный – всенепременно, даже когда это вроде бы в принципе невозможно. А потом этот наш красавец стал как бы одновременно бесом смертным, который и умирает, и убивает, и бесом покойным, и может, если захочет, сеять вокруг покой и умиротворение.

– А чем занимается бес корыстный?

– Заставляет человека патологически хотеть извлечь из всего выгоду. А вот если нападёт бес платный – жертву начинает преследовать навязчивая мысль о том, что все всем за всё должны платить. И он, и ему, и вообще все всем в принципе, потому что это правильно и так должно быть. Человек начинает беспокоиться о стоимости подарков – ответный, от него ли или ему, должен стоить столько же. О том, правильно ли скачивать книги из Интернета, об оказанных по дружбе услугах... Но влияние наше временное, хотя и может оказываться, при желании, регулярно, а уж вернётся ли человек к прежнему состоянию или останется в новом – зависит от его, склонностей, характера и неврозов.

– Но он будет считать это правильным? Это своё состояние?

– Тоже зависит. Либо будет считать правильным и само собой разумеющимся, что нужно за всё платить, либо будет хотеть халявы, но мучиться угрызениями совести или представлениями о том, как поступает и как считает правильным некое референтное для него общество (культурные люди, зарабатывающие люди, люди, которые ценят свой труд и потому должны ценить чужой...).

Бес словесный кому-то помахал. Я оглянулась и вежливо улыбнулась очередной нечисти.

– Вот как раз бес честный – он заставляет честно признаваться во всём. Для этого не обязательно поступать хорошо или даже в соответствии со своими убеждениями относительно того, что ты считаешь хорошим, – на то сподвигает бес порядочный, – но приходится быть честным относительно того, кто ты есть и каков и чего натворил или собираешься. В том числе с самим собой. Ещё есть бес человеческий. Его тоже никто не любит, потому что он перенимает всякое от людей, а они, сама понимаешь...

– Мусорят. И деревья рубят.

– В том числе. И иногда нам мешает, потому что ему людей жалко. Он себя чувствует одним из них. Ещё он стареет в течение года, ему нужно в туалет, болеет часто... Даже я не очень понимаю, в чём его назначение. Такое чувство, что для того, чтоб поддерживать в нас эмпатию к людям, чтобы не забывали, какие это уязвимые и подверженные влиянию внешнего мира существа.

Чтобы уложить в голове цепочку рассуждений, её пришлось полностью продумать. Когда тебя заставляют быть честным и порядочным – это не обязательно делает тебя таким по жизни, и уж тем более, скорее навредит тебе, чем поможет. Хотя тоже не всегда – бывает, лучше сразу признаться в чём-то или сделать что-то, если потом всё равно придётся, только уже разгребая последствия. Ну, а тому, в отношении кого ты честен или порядочен, ты можешь этим как причинить боль, так и принести пользу, а иногда то и то сразу.

– По логике вещей, должен быть ещё и бес совестный?

– И он таки есть, – кивнул мой соБЕСедник.

– А таксама бес саромны, які прымушае саромецца абы-чаго...

– И бес стыдный, – потупившись, добавил явно специально примчавшийся для этого бес. Смотреть на него было непонятно почему стыдно. Избегать смотреть – тоже. Ему, кажется, в свою очередь было стыдно, что он так нахально влез напомнить о себе в чужую беседу.

– Нет, вы это заканчивайте, – досадливо помотал головой бес словесный. – А то с вами так стыда не оберёшься, нет его столько.

– А у девушки хороший иммунитет, – отметил бес стыдный. – Возможно, потому, что я неплохо поработал с вашими родителями.

– Вот оно что! Спасибо вам большое, – поблагодарила я, не зная, раздражаться из-за родителей или радоваться иммунитету. Действительно, всю жизнь чуть что – вылезала фраза «как тебе не стыдно». Зашитые носки стыдно, сморкаться стыдно, не заметить человека на улице (реально не заметить!) и не поздороваться стыдно, не дать поиграться своими игрушками стыдно, зевать – вообще не зависящий от тебя рефлекс! – стыдно. Зато мне теперь, после более чем года самостоятельной жизни, мало что стыдно. Нечестно, неправильно, несправедливо, не по-доброму – да, злиться и досадовать на себя, презирать себя, что не соблюдаешь своих принципов относительно учёбы или друзей, – нормально, гнობить себя – тоже, но это не навязано чужими представлениями о должном.

Les troupes¹⁰ – это будущие трупы.

(Доминика)

В 12-м часу ночи, когда я, засыпая, пыталась читать учебник по международным организациям, в дверь позвонили. Передо мной стояли двое парней, абсолютно трезвых, не под наркотой и в прекрасном настроении. Один из них был толкинистом. В общаге это милое, симпатичное, стройное создание поначалу прозвали эльфом Лигалайзом, ибо он «курил одну лишь травку и с Глюком тож дружил», по меткому выражению Арчи. Глюк тоже был ролевиком. А однажды Лигалайз забыл дома ключи, а вернулся рано – все ещё спали. Домофон в ту пору как раз был сломан, а телефона у него то ли ещё не было, то ли уже потерял, то ли на нём не было денег. И эльф стал звать Арчи (попутно разбудив пару человек с нижних этажей), который из вредности сбросил ему верёвку, ибо нефиг по ночам орать, и Лигалайз, чему сам потом удивлялся, забрался по ней на 4 этаж. Это надо было видеть воочию и слышать воушию, так что кто-то из разбуженных даже снял видео. С тех пор его звали Легколаз, и ему нравилось. С тех же пор Легколаз стал бывать с Аркадием на скалодроме, а у физика-бардаल्पиниста появилось немало приятелей из ролевого клуба Серебряного Единорога и тамплиеров Ордена Северного Храма (он же Орден Северного Хлама/Срама/Универсама¹¹). Вероятно, второй визитёр, которого я не знала, был из их числа.

– Да пребудет с тобой сила, о прекрасная дева! – торжественно приветствовали меня они.

– Мир не без бодрых людей, – неодобрительно ответила я. – И вам привет. Чего пожаловали?

– У тебя поесть не найдётся для двух путников, блуждающих в ночи? А то мы тут в парке на мечях бились, а когда закончили, все магазины позакрывались, а дома нету ничего, – трагическим тоном поведал о своей беде Легколаз.

– На мечях, говорите? Или за компом в игрушку резались?

– В игрушку мы вчера резались.

– И сегодня у Арчи ничего из еды не осталось, – зловеще добавил второй. – Вот мой друг эльф и предложил пойти к доброй и прекрасной даме, – он явно стремился изобразить смущение и неловкость. – Я – благородный рыцарь Серж де Маликорн, друг мудрого эльфа Лихоглаза, – он поклонился, а мудрый эльф мрачно покосился на него в соответствии с новообретённым именем. – Мы будем рады злоупотребить вашим гостеприимством.

– А с какой стати бедная студентка должна кормить двух поздношатающихся?

– По доброте душевной, – предположил с надеждой Лихоглаз, лихо подмигнув. Бес хитростный или бес помощный явно даже не старались им посодействовать.

– А хочешь в наш клуб вступить? – блеснул необдуманной щедростью БРСМ.

¹⁰ Войска

¹¹ Универсам «Северный» был на Цянке, возле канала, впоследствии «Родная Сторона», «Виталюр», а там кто знает. И вообще, хорошо было, когда названия универсамов ассоциировались с районами.

– Что за клуб?

– Рыцарский.

– А конкретнее?

– ВКЛ, 12–14 века, реконструкция доспехов, одежды, музыка, танцы, фестивали, ну, как обычно.

– Заходите, рассказывайте. А завтра принесёте мне бельгийского шоколада, – впрочем, я сильно подозревала, что, если они вообще об этом вспомнят, то в лучшем случае принесут что-то коммунаровское.

Я как раз только что закупила стратегическую партию традиционных студенческих полуфабрикатов и макарон. После чего денег осталось пугающе мало, но Рэйко меня часто подкармливала – она, в отличие от меня, любила готовить, – а взамен пользовалась моими запасами. Короче, не пропадём, решила я и вывалила пачкупельменей в кастрюлю.

– Что читаешь? – сунулся Легколаз в мой монитор.

– Деятельность МБРР.

– А что такое МБРР? – как будущий философ, эльф не разбирался в международных экономических отношениях так же, как я не разбиралась в компьютерах.

– Международный банк реконструкции и развития.

– Лучше бы Международный банк развития реконструкции, – вздохнул Серж.

– И ролевых игр, – добавил Легколаз.

– А я думала, дружба ролевика и реконструктора – это так же маловероятно, как дружба гнома и эльфа, – ляпнула я.

– Я похож на гнома? – усмехнулся высокий, стройный и безбородый рыцарь.

– А что тебе гномы-то сделали? – удивлённо покосился на него эльф. – А что за «договор об ОВСЕ»? – фыркнул он, заглянув мимоходом в раскрытую тетрадку на столе.

– Договор об обычных вооружённых силах в Европе. НЕ о поставках продовольствия.

Серж не выдержал и заглянул в кастрюлю, где варилось продовольствие.

– Слюной истекает, – ехидно заметил Легколаз.

– Какая жалкая смерть! – посочувствовала я. – Лучше всего от неё спасает шокотерапия. Но, поскольку шоколада нет, будем лечить традиционными средствами.

На шум и запах разваривающихсяпельменей выглянула Рэйко.

– Это фишня, а не пельмени, – категорично заявила она. Действительно, когда она сама бралась лепить гёдза (с настоящим мясом, конечно), они получались великолепно, но и заканчивались моментально. – Чем такие пельмени, лучше есть ржачные хлопья.

Ржачные хлопья оказали своё воздействие, даже не будучи съеденными.

– Ржачных? – уточнил эльф, хихикая.

– Или ржАных, – неуверенно ответила японка.

– Которые из рожи делаются? – подхватил рыцарь.

– Наверно...

– РжанЫе они, – пояснила я. – А ржачный – это смешной.

– Точно! И не из рожи, а из ржи, – торжествуя сказала Рэйко. Произносила она их довольно похоже, но, наверно, после латиницы, на удивление легко воспринимала написанное, которое помогало видеть сходства и различия.

– Над пропастью не ржи! – глубокомысленно заметил Легколаз. Ага, а мне теперь объясняй. Хорошо, что Рэйко не только дотошная, но и сообразительная.

– А ещё есть ржа, это то ли устаревший, то ли диалектный вариант слова «ржавчина».

Рэйко и предыдущие-то слова выговаривала очень хорошо для японки, но с трудом, но тут зависла.

– Что такое рудзяфтина?

Пока объяснили, как раз пришло время есть. Рэйко, несмотря на критичное мнение о пельменях, присоединилась, но на первые пару минут выпала из разговора, заморожено и нязно повторяя: «ру-жа... жжжа... ружа...фу...чина... рУжа-цветка... ружА... ружаф-чина...».

По ассоциации с *rouille*¹² я вспомнила, как в школьные времена ходила на летние курсы, где нам преподавали язык французы-волонтёры, которым не на что было потратить лето, наверно. Мы пытались, традиционно, учить их русским матам, но если слова со звуком «з» удавались им хорошо, то звук «х» не выговаривался напрочь и почему-то казался похожим им на французское, оно же еврейское «р». Таким образом, у них выходила полная «руйня» (что-то связанное с глаголом «руйнаваць»).

Сначала пришлось варить вторую пачку – на четверых-то, – а затем ужин перетёк в чай с вафлями. Рэйко тоже было интересно послушать про клуб и даже сходить на фестиваль, но ввязываться в это серьёзно она не захотела. А я давно мечтала, но не знала, как это сделать и где кого искать.

– Мы как-то были святой инквизицией на фэсте. Вечер, лагерь, большинство бухает, а мы по лесу гуляем. И видим – какая-то компания на полянке, костёр развели – думаем, свои, щас прикольноёмся. Подкрадываемся поближе – и со всей дури выскакиваем на них с криками: «Покайтесь, твари!». А они давай орать и разбегаться. Мы в недоумении: вроде бы и удалась шутка, но как-то что-то не то, как-то слишком натурально и сильно они испугались. А потом выяснилось, что это сатанисты были, коту в жертву приносили, а тут инквизиция.

– Коту спасли?

– Ага. Он убежал.

– Я как-то некромантом был на игре. А как раз в то время рядом разлилась река и подмыла кладбище. Гробы всплыли, а которые подгнили – открылись, и покойники из них повывыплывали. Сам я этого восстания зомби не видел, но ребята после игры всем рассказывали, что это я виноват. Я сначала испугался, потом обрадовался, а потом магических способностей больше так и не проявлялось, и я расстроился.

– Наверно, они проявляются только в энергетике игры. В играх-то ты собаку съел.

– Покер-спаниеля?

– Ага, при помощи джокер-спаниеля.

– А то ещё бывает рокер-спаниель. В кожаном комбезе и тёмных очках.

– Не забывайте о скотч-терьере. Это такая приставучая пьяная собака в килте, к которой липнет весь мусор.

– Ты опять спорол чушь.

– Если бы он такую хорошую чушь запарол, было бы куда как обиднее, – возразила я. – Нужно следить за качеством снесённой чуши.

– Мне такой чуши не снести.

– Не родить или не выдержать?

– И снесла она чушь, да не простую, а золотую, – эльфа попёрло.

– Других не несём, – с достоинством ответила я.

– Не выносите мне мозг! – взмолился благородный рыцарь Серж.

– Вы наблюдаете торжественный вынос мозга, – подколот его Легколаз. – А вот вам ещё одна байка про кладбище. Как-то два мужика провалились в могилу, и была у них с собой выпивка и закуска. Решили выпить, всё равно до утра сидеть. Только стакан где взять? «А у меня есть стакан, сынки, возьмите!» – раздаётся рядом голос. А это в ту же могилу чуть раньше бабка провалилась.

– А что они все делали ночью на кладбище?

¹² Ржавчина (фр.)

– Не знаю. Это старое запорожское кладбище, там старые могилы, и туда, судя по байкам, постоянно проваливаются. И всегда ночью. Как-то провалилась бабка с козой. Идёт мимо мужик, она ему кричит: вытащи, мол. Темно, ночь. Он протянул руки вытаскивать – а она ему козу подаёт. Он нащупал рога – да как заорёт, как побежит!

Могила неубитого солдата
(препод по одной из историй)

– У нас 2 сообщения. Кто будет первым?

– Давайте я второй, – нашёлся Артём. Очень добрый и улыбчивый армянский парень, который, как ни обидно, не умел сформулировать прочитанный текст. Чтобы отвечать, ему нужен был конспект на бумажке. Ну не гуманитарий, что ты будешь делать. Вопрос, были ли научные работы у соавторов Ортеги и Гассета, уже даже был бы классическим, но затем Артём спросил: «А в «Восстании масс» какие методы?» – «Это не пособие для начинающих террористов!» – радостно ответили ему с задних рядов.

В компьютерный класс я ходила почитать почту, рассылки с научно-фантастическими рассказами, Трансерфингом, мифами, развитием интеллекта и новостные сайты. Тут же можно было печатать курсовые и рефераты, но сбросить наработанное можно было только на дискету, причём только на одном компе лаборанта, во избежание вирусов. Ну не будешь же сидеть за компом Рэйко всё время, я и так его захватывала, в прошлом году – и ночами. Печатала я поначалу адски медленно – а к концу работы над курсовой заметила, что уже далеко не всегда смотрю на клавиши.

Сейчас я полезла читать новости и чего-нибудь про разведку: мне нравились книги типа Судоплатова, и я подумывала, не сделать ли это темой курсовой, благо можно нарыть современные скандалы о том, кого раскрыли и чего предотвратили спецслужбы разных стран. В статье на Агентура.ру значилось: «В функции подразделения 9200 входит сбор информации, полученной через спутник или через *разведчиков-самолётов* в странах арабского мира». Человек-паук, разведчик-самолёт.

В учебниках и статьях, впрочем, часто случались забавные опечатки:

«Зона свободной торговли» (статья)

«Трактаты многозначны и полисемантически» (учебник философии)

«США и СССР накопили столько ядерных вооружений, что могли *в случае необходимости* несколько десятков раз уничтожить друг друга». (Видимо, в случае возрождения из пепла.) (Учебник по международному праву)

«Иногда решительный шаг вперёд является результатом увесистого пинка сзади». (Из газеты)

ОблИчённые властью (Дж. Буш-младший, Саддам Хусейн, А. Лукашенко и др.). Вероятно, это те, чья сущность стала видна, когда они пришли к власти. «Ставлю знак «хи!», ибо это смешно», – прокомментировала Доминика, делая отметку в учебнике. – «А также бывают власть неимущие или малоимущие; власть пере- и недодержавшие, не поддержавшие, не удержавшие».

Как-то мне не удалось правильно прочитать с первого раза слово «BECOMEЕ» в заголовке. Я уставилась на него и поняла, что это не по-английски. Подсунула Доминике и спросила, как это читается. «Биками?» – попыталась она.

Денег никогда нет, поэтому со стипендии сразу покупается проездной и запас всякой бытовой химии и лекарств. С родительского перевода – книги и запас еды и кофе-чая. После этого можно несколько дней ходить без денег, сжёвывать между парами или по дороге в библиотеку булочку или сырок – главное, чтобы не наступила внезапная необходимость отксерить

несколько десятков страниц. А она обычно наступает. Иногда мне случается зайти в «Академкнигу» и на свою голову наткнуться на что-то интересное, а потом ходить и мечтать о том, как я это куплю (когда-нибудь в будущем, если это дорогая книга с фотографиями и картинками), или немедленно, пока не разобрали, бежать одалживать у Доминики.

Сейчас меня что-то подтолкнуло – как раз чтобы забрать последний экземпляр книжки по японскому про гайрайго.

«Спасибо», – мысленно сказала я. Бес понял, что его заметили.

– Да пожалуйста.

– А вы всегда всем помогаете?

– На усмотрение.

– Но вы же бес!

– И?

– Бесы обычно вредят.

– Разные есть бесы. И вредоносное действие тоже может принести пользу. Тебе, если сможешь её увидеть и извлечь, или кому-то другому за твой счёт.

– То есть ваша специализация – приносить пользу?

– Да. Я бес полезный.

– Это как смысл жизни?

– Это просто моя работа.

– А для чего вам работа?

– Как и вам. Чтобы кушать. Энергию. А её можно получить и от хороших человеческих эмоций, и от плохих. Да и не только человеческих. Каждый её извлекает так, как лучше всего умеет.

– А смысл жизни у вас есть?

– Получать от неё удовольствие.

– А какой смысл вашей деятельности для всей, ну, мировой, так сказать, системы?

– Смысл в балансе. Ни стабильность, ни, напротив, нестабильность, ни покой, ни движение не должны быть абсолютными. Нет препятствий – нет развития, нет содействия – нет успеха и радости.

– Значит, люди вообще сами ничего не решают? Мысли им подбрасывают, обстоятельства устраивают, эмоции провоцируют...

– А решают, что с этим делать, всё равно сами. А то горазды говорить – мол, «бес попутал». Сами должны отвечать за свои поступки, а не сваливать на какого-то Карлсона. В конце концов, можно же и сопротивляться, если тебя тянет туда, куда ты не считаешь правильным. Мозги-то свои есть, небось!

– А как определить – твоя это мысль или внушённая?

– Мысли – они вообще не исключительно твои. Они в том или ином виде есть всегда. В мире идей, или в пространстве вариантов, как в этом твоём Трансерфинге. Можно использовать, можно отбросить. Но самое-то интересное – это показывать возможность выбора! Возможность того, чего ты не можешь допустить и в мыслях. Например, в школе ты и подумать не могла о том, чтобы прогулять урок. Боялась учителей или боялась что-то важное пропустить – но сейчас понимаешь, что то и другое не так критично. Ведь хорошо бы это было знать раньше?

– То есть вы можете наталкивать людей на мысли, которых у них раньше не возникало?

– Ага. А вот насколько человек этой мыслью проникнется, сочтёт верной, насколько она ему окажется свойственна и близка – это уже зависит.

– Где ж вы были раньше!

Бес пожал плечами.

– А вы одновременно бываете в разных местах? Или, если помогаете кому-то, то кто-то помощи не получает?

– Разумеется, бываю.
– Но я сейчас тоже не прогуливаю почти.
– Но по другой же причине?
– Потому что интересно. А французский прогуливать неуважительно перед преподавом, и ему же тоже скучно будет.

– Ты можешь прочитать, что здесь написано? Это инструкция к плееру.
– Это ж по-итальянски.
– Может, и по-итальянски, а перевести можешь?

Подумав, что я, похоже, приобретаю в общаге репутацию эксперта в области иностранных языков как явления, и ворча, что при таком обилии инструкций на русском и английском некоторых угораздило раздобыть плеер с инструкцией исключительно на итальянском, я проглядела бумажку и обнаружила, что понимаю даже больше, чем можно было ожидать. Легколаз выслушал длинный перевод и изумлённо проговорил:

– А я не знал, что ты итальянский знаешь... так хорошо.

– А я и не знаю. Просто все романские языки романские одинаково. А каждый китайский язык китайский по-своему.

Рэйко захихикала. В общаге уже даже далёким от Востока было известно, а то и случилось заметить лично, что китайцы из разных провинций могут не понимать диалекты друг друга. Легколаз осознал, ещё раз поблагодарил, передал, что Серж будет ждать меня на остановке возле клуба через час, и смылся.

Клуб не был Орденом и находился между общагой и рынком – можно было доехать без пересадок. Мы прошли через поросшие деревьями дворы и поднялись на последний – третий – этаж центра внешкольной работы «Маяк». Из нужного нам кабинета вышла четвёрка нагруженных людей.

– А это наш огненный зверинец, – сказал БРСМ. – Наши фаерщики.

От ребят я уже знала, что такое фаершоу, но не представляла, как это.

– Это Firefox.

– Также известный как sir Fairfax, – полушутливо поклонился стройный лохматый паренёк. – Руководитель этой банды, известной как «Гиена Огненная».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.